

взгляда на эволюцию фольклора, как на постоянное разрушение древнего художественного наследия. Д. Ортутан изучает конкретные причины регрессивных процессов в фольклоре, выделяет основные их типы. Вместе с тем он показывает и противоположные тенденции — шлифовку и улучшение произведений, удачные попытки приспособления старых произведений к новым историческим условиям, к отражению новых социальных явлений. В работе большое внимание уделяется инвариантам и их значению для изучения специфики фольклора данного народа.

В первую же часть сборника вошла программа собирания материалов по народному театру (стр. 174—182), практически осуществляющая изложенные выше методологические принципы, а также написанная в 1963 г. статья, посвященная значению Якоба Гримма для развития венгерской фольклористики (стр. 183—251). Пафос последней статьи — стремление показать, вслед за В. Штейнницем, демократические тенденции политической позиции братьев Гримм. Д. Ортутан утверждает, что политические принципы и научные теории Якоба Гримма были правильно оценены в Венгрии, где его имя вспоминают с благодарностью и уважением (стр. 199).

Статьи второй части сборника «Хрестияньские сказки из Хуса и Реткёза» (стр. 205—224), «Михаль Федич рассказывает сказки» (стр. 225—285) и «Венгерские народные сказки» (стр. 286—322) составляют как бы единое целое. Каждая из этих статей первоначально была предисловием к сборникам сказок Д. Ортутан. Сборники эти заслужили широкую известность, неоднократно издавались не только на венгерском, но и на ряде других языков. Популярный вариант сборника «Венгерские сказки» был издан в Японии и Финляндии. Сборник этот был удостоен премии Питрэ.

Написанные очень увлекательно, частично в форме художественного очерка, эти статьи знакомят читателя с содержанием и стилем венгерской народной сказки, с образами рассказчиков — мастеров народного слова, с характером бытования сказки в народной среде и прежде всего с венгерской деревней, с жизнью венгерского народа в прошлом и настоящем.

Все эти статьи глубоко научны и вместе с тем проникнуты подлинным патриотизмом, пониманием народной жизни, страстной любовью к народу, живой заинтересованностью в его судьбе.

Последняя часть рецензируемого сборника включает в себе очень живо написанные, в свойственной Д. Ортутан подкупающей манере доверительной беседы с читателем, тринадцать портретов венгерских исследователей и собирателей фольклора. Имена одних из них, как например, композитора Бели Бартока или фольклориста Яноша Хонти, широко известны, имена других — мало знакомы или совсем неизвестны за пределами Венгрии.

Написанные в разное время (1941—1955 гг.), частично предназначенные для радиопередач, очерки эти знакомят читателей с прогрессивными деятелями венгерской науки, начиная с XVIII в. и кончая современностью. Все они проникнуты глубоким уважением к лучшим деятелям венгерской культуры, беззаветно служившим своему народу. Особенно сильное впечатление по своей эмоциональной насыщенности производит портрет молодого талантливого ученого Яноша Хонти, казненного фашистами в 1944 г. накануне освобождения Венгрии. Очерк этот, написанный в 1955 г., дышит такой силой, говорит о таком понимании таланта Хонти, о таком глубоком проникновении в его трагическую судьбу, что не может оставить равнодушным читателя и сейчас, двадцать лет спустя. Очерк этот раскрывает и лицо его автора, Д. Ортутан, — ученого, художника, гражданина, борца и человека.

Сборник статей Дьюлы Ортутан — целостное исследование, книга крупного современного ученого-марксиста, вместе с тем это как бы глубоко индивидуальная исповедь человека, раскрывающая его самые заветные идеи, его отношение к науке, к жизни, к людям. Книга эта лишний раз доказывает, что не зря академика Ортутан — крупнейшего современного ученого — так хорошо знают и ценят, так глубоко уважают и искренне любят деятели прогрессивной науки не только у него на родине, но и далеко от ее пределов.

Э. В. Померанцева, Б. Кербелите

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

R. C. Nigam. Language handbook of mother tongues in Census. New Delhi, 1972, p. 340+LXI.

Индия — этот этнографический музей с более чем полумиллиардным населением, представляет значительный интерес как уникальная «коллекция языков». Важная информация об этой «коллекции» содержится в переписях, вот уже 100 лет регулярно (каждые 10 лет) проводимых в Индии. Управление переписей (Office of the Registrar General) уделяет большое внимание учету и анализу языкового многообразия населения Индии: кроме томов с разработками самих данных о языках, содержащихся в итогах переписей, оно публикует и отдельные монографии. Рецензируемая книга, принадлежащая перу видного этнолингвиста, сотрудника специального язы-

кового отдела (Language Division) Управления переписей и является одной из таких монографий.

Большая важность этой книги для этнодемографов определяется тем, что в ней, наряду с детальным анализом языкового состава населения по переписи 1961 г., впервые опубликованы и главные лингвистические итоги переписи 1971 г. (правда, в еще не систематизированном виде, в качестве простого перечня языков, на каждом из которых говорит не менее 5 тыс. чел.).

Суждения о числе и численности народов Индии приходится в основном делать на базе устанавливаемых переписями данных о родном языке¹. Множественность самих языков требует большой скрупулезности при выявлении различий между ними (самостоятельные языки или диалекты и т. п.) и при учете даже небольших языковых общностей.

Разработка этнолингвистических данных ценоз имеет в Индии давние научные традиции. Основы этой разработки были заложены еще Дж. А. Грирсоном, основательные труды которого позволили создать при Управлении переписей особую Лингвистическую службу (Linguistic Survey of India). Служба эта составила тщательно классифицированный перечень (572 языка), который и сейчас рассматривается индийскими специалистами как «базовый». Однако при каждой новой переписи перечень этот уточняется и расширяется. Книга Р. Нигама показывает, что при разработке итогов переписи 1961 г. к 572 «грирсоновским» языкам было добавлено дополнительно 400 языков, уложившихся в те или иные группы первоначальной классификационной схемы, и 527 языков еще не классифицированы; кроме того, 50 языков добавилось в результате уточнения классификации. Вместе со 103 иностранными для Индии языками по переписи 1961 г. в этой стране насчитывалось всего 1652 языка (стр. XVI рецензируемой книги).

Перечень этих языков (в алфавитном порядке) с указаниями на вхождение их в ту или иную языковую семью или группу, на степень родства с другими языками и т. п., сжатая лингвистическая характеристика со сведениями о числе говоривших на данном языке в 1961 г. и о территориях распространения языка — вот основное содержание книги (стр. 1—260).

В «Приложении I» (стр. 261—332) даны сжатые историко-лингвистико-литературные очерки о языках: ассамском, бенгальском, гуджаратском, хинди, каннара, кашмирском, малаяли, маратхском, ория, панджабском, санскритском², синдхском, тамильском, телугу и урду. Особенно обстоятелен очерк о хинди; автор касается многих его диалектных различий, указывая на нынешнюю тенденцию усиления кхара-боли — современного литературного хинди.

Поскольку в рецензируемой книге в «Приложении II» (стр. 333—340) впервые приведены данные о том, сколько жителей Индии в 1971 г. признали тот или иной язык своим родным, уместно привести эти материалы хотя бы по наиболее распространенным языкам.

Опубликованный автором перечень (напомним, что в него вошли лишь языки, на каждом из которых говорило не менее 5 тыс. чел.) включает 281 язык. В это число попали и языки некоренных для Индии народов — английский (191,6 тыс. говорящих), арабский (23,3 тыс.), пушту («афгани», 8,7 тыс.), китайский (11,0 тыс.), португальский (6,0 тыс.), мяо (20,0 тыс.) и др.; но таких языков немного.

Ниже приведены данные о числе говорящих на 10 наиболее распространенных языках (с округлением до 1 тысячи):

Языки	По данным переписей (в тыс. чел.)		Рост за 1961— 1971 гг., в %*
	1971 г.	1961 г.	
Хинди	153 729	123 025	+ 24,9
Телугу	44 708	37 642	+ 18,8
Бенгальский	44 522	33 754	+ 32,4
Маратхский	41 724	32 767	+ 27,4
Тамильский	37 593	30 465	+ 23,0
Урду	28 600	23 323	+ 21,7
Гуджаратский	25 656	20 106	+ 25,0
Малаяли	21 917	16 995	+ 24,8
Каннара ³	21 575	17 306	+ 23,4
Ория	19 727	15 611	+ 25,8

* Проценты прироста исчислены рецензентом.

¹ В вводной части книги (стр. XIII—XV) подробно показано, как в переписях разных лет сформулирован вопрос о родном (Mother) языке; этот обзор, завершающийся обширной цитатой из инструкции к переписи 1971 г., сам по себе представляет большой интерес для специалистов по этнолингвистической демографии.

² Ценз 1961 г. зарегистрировал 2542 человека, объявивших санскрит своим родным языком.

³ Здесь используем принятую в советской литературе транскрипцию. У автора, как и всегда в индийской современной научной литературе — Kannada.

Назвем также численность народов, говорящих (1971 г.) на языках, занявших в перечне дальнейшие места (до 1 млн. чел., округляем до 0,01 млн.): бходжпури (диалект яз. бихари, фигурирующий в перечнях Р. Нигама и за 1961 и за 1971 г. как самостоятельный) — 14,34 млн. чел., панджабский — 13,90 млн., ассамский — 8,96 млн., чхаттисгархи (диалект хинди, распространенный главным образом в штате Мадхья-Прадеш и на юге штата Уттар-Прадеш, выделен в перечне в самостоятельный язык) — 6,69 млн., магадхи (язык или диалект центральной части штата Бихар) — 6,64 млн., майтхили (Гирсон рассматривал его как диалект языка бихари, но Нигам указывает на близость его грамматических форм к языкам бенгальскому и ория и выделяет в самостоятельный язык) — 6,12 млн., марвари (диалект западного Раджастана) — 4,71 млн., санталский — 3,69 млн., кашмирский — 2,42 млн., раджастанский — 2,09 млн., гондский — 1,55 млн., конкани (диалект марагского языка, распространен в Гоа, Диу, штате Майсур) — 1,52 млн., догри (диалект панджабского языка, распространен главным образом в Кашмире) — 1,30 млн., гуркхско-непальский — 1,29 млн., гархвалский (в советской литературе относится к группе кумаори-пахарских языков, распространен в верховьях реки Чинаб в бассейне Инда) — 1,28 млн., пахари — 1,27 млн., бхили — 1,25 млн., ораонский — 1,24 млн., кумаонский (пахари верховьев Ганга) — 1,23 млн., синдхский — 1,20 млн., ламани (другое название банджари, иногда рассматривается как вариант раджастанского языка, распространен в основном в штате Андхра-Прадеш) — 1,20 млн., тулу (язык дравидской семьи, распространен главным образом в штате Майсур) — 1,16 млн. человек.

Как видим, в число наиболее распространенных 32 языков не вошли многие играющие важную роль в этнолингвистической картине Индии — такие, как манипури, кхаси, мунду и др.

Следует пожалеть, что как в опубликованном перечне наиболее распространенных 281 языков, так и в развернутой характеристике всех 1652 языков (по перечню 1961 г.) Р. Нигам лишь бегло касается очень важного для Индии вопроса двуязычия (хотя индийские переписи хорошо учитывают билингвизм).

Этнолингвистические итоги переписи 1971 г., видимо, добавлены в книгу в последний момент. Они приведены не только без анализа, но и без географической привязки приводимых цифр⁴. Для 1971 г. дано лишь распределение говоривших на каждом из 281 языков по полу. Впрочем, и на основе этого можно построить кое-какие гипотезы о ходе этнических процессов: ведь, как правило, смена этнического самосознания протекает у женщин медленнее, чем у мужчин, часто по условиям работы выезжающих в другой район на заработки, и т. п. Следует только помнить, что для Индии в целом характерно численное преобладание мужчин — в 1971 г. их было почти на 20 млн. больше, чем женщин⁵.

Обратим внимание и на другой показатель, получаемый из скупых данных по 1971 г. — различия в темпах прироста говорящих на разных языках по сравнению с 1961 г. Приведенная нами таблица по 10 самым распространенным языкам дает представление и о динамике численности наиболее крупных народов Индии (здесь стоит напомнить, что средний по стране прирост за 1961—1971 гг. составил 24,7%). Книга Р. Нигама позволяет судить о динамике численности народов, говорящих и на следующих 271 языке. Другое дело, что совокупность опубликованных данных не позволяет судить, в какой мере разница в динамике обусловлена различиями в естественном приросте, а в какой — этническими процессами, изменяющими языковое самосознание (а, быть может, и не полной идентичностью методики выявления родных языков, разным пониманием их диалектов и т. п. в ходе проведения самой переписи).

Обстоятельное исследование Р. Нигама и, особенно, включение в него первых лингвистических итогов переписи 1971 г. очень ценно. Советские индологи в отдельных случаях иначе, чем их индийские коллеги, подходят к проблеме самостоятельности или «диалектности» некоторых рассмотренных в книге языков; иными могут быть и приемы классификации. И все же книга Р. Нигама должна быть со вниманием изучена всеми, интересующимися «демолингвистикой» Индии.

В. В. Покишиевский

⁴ Наши пояснения об основных районах распространения языков сделаны в основном по данным переписи 1961 г.

⁵ См.: В. В. Покишиевский, Первые результаты индийской переписи 1971 г., «Сов. этнография», 1972, № 2.